

Джеймс моргнул. Ответ Гарри еще не был рассчитан вместе с ним. Гарри Джеймс Поттер ? Правда, Поттер было не самым распространенным именем, но в волшебном мире не было такого, чтобы чистокровные имели одинаковые фамилии и не были родственниками. Магглорожденные — да, это случалось время от времени — но фамилии волшебников были символическими, и из-за этого это было немаловажно. Было только вероятно, что он был родственником Джеймса.

— Поттер? Он не мог не спросить.

— Да. Меня зовут Гарри Джеймс Поттер. Гарри был лишен эмоций и чувства юмора — побочный эффект Veritiserum. Сириус, Питер и Ремус ничего не сказали, на этот раз потеряв дар речи.

— Вы связаны с Джеймсом? — спросил Сириус, как ни странно... ну... серьезно.

"Да." Путаница.

— Как ты связан со мной? При других обстоятельствах он не стал бы задавать этот вопрос, так как они уже поняли, что они родственники, но он никогда не видел своего имени на семейном гобелене, стоявшем в их доме. Но ничто не подготовило его к ответу.

«Я твой сын». Наступила тишина. Рот Питера был разинут, безмолвный. Колени Ремуса подогнулись, и он рухнул на пол, уставившись на Гарри. Было видно, как в его голове крутятся колеса. Глаз Сириуса дергался, и он был на грани безумного хохота; то, что он часто делал, когда был шокирован. Джеймс, предполагаемый отец Гарри, как ни странно, воспринял это лучше всех. Он довольно быстро моргал и выглядел слегка смущенным. Он склонил голову набок. Внезапно Сириус заговорил. Вернее, кричал.

"ЧТО ЗА ЧЕРТ?" Его вспышка, казалось, вывела остальных из транса. Ремус встал и подозрительно прищурился на Гарри, словно пытаясь что-то сообразить. Сириус шептал ругательства себе под нос и сердито изучал Гарри. Питер взял на себя работу Джеймса, растерянно моргая. Не прошло и минуты, как они поняли, что Джеймс потерял сознание.

Обычно из-за этого его постоянно дразнили, но другие мародеры не могли его винить. Ремус выхватил из рук Сириуса бутылку Veritiserum и на секунду понюхал ее. Поскольку оно не имело запаха, он нахмурился и осторожно попробовал немного. Его глаза остекленели, а затем через секунду он, казалось, вернулся в сознание.

«Это Veritiserum. Он говорит правду». Он грубо встряхнул Джеймса. Джеймс проснулся, огляделся, вскочил и начал задавать вопросы Гарри, который так же быстро ответил.

"Как вы сюда попали?"

«МакГонагалл, Луна Лавгуд и Гермиона Поттер». Джеймс снова удивился фамилии Гермионы, но ничего не сказал, оставив это до другого раза.

— Так ты мой сын?

"Да."

"Почему..." Он изо всех сил пытался найти другой важный вопрос. "Почему ты здесь?"

«Вышеупомянутые люди обманули меня, хотя у меня мало претензий к тому, что я здесь».

— Из какого ты года?

«2009».

— Я еще жив? Гарри впервые остановился, выглядя так, словно боролся с зельем. Наконец-то:

"Нет." Никто не говорил. Джеймс выглядел ошеломленным и опечаленным. Только второй раз с первого года Сириус открыто плакал. Он не издал ни звука, но слезы катились по его подбородку, капая на золотой ковер. Ремус смотрел вниз, без сомнения, задаваясь вопросом, внес ли он какой-либо вклад в их смерть. Питер явно окаменел.

— Значит, моя... моя жена вырастила тебя? Сириус бы хихикнул, если бы не ужасные обстоятельства.

«Нет. Петуния и Вернон Дурсль». Джеймс выглядел сбитым с толку, хотя депрессия по-прежнему была его доминирующей эмоцией.

"Кто они?"

«Петуния — сестра моей матери, а Вернон — ее муж». Впервые Ремус задал вопрос.

"Кто твоя мама?"

«Лили Эванс-Поттер». Настроение Джеймса резко улучшилось для человека, который узнал, что умрет через несколько лет. Он широко улыбнулся, хотя и немного неуверенно.

— Ты слышал это, Бродяга? — сказал он Сириусу. «Я женюсь на Л-Лили». Сириус выглядел счастливым за своего лучшего друга и выглядел так, будто ему было больно спрашивать, но он говорил.

— Лили жива? Голова Джеймса взлетела вверх. Он явно не учел, что Лили вряд ли жива.

"Нет." Джеймс рухнул на себя, рухнув без костей. Сириус сглотнул, но сохранил спокойствие.

«Как она умерла? И как умер Джеймс?»

— Волдеморт, — ответил Гарри — его неприязнь к этому человеку просачивалась в его речь, несмотря на действие сыворотки правды. Прыгнул только Питер. Зелье, казалось, закончилось. Гарри моргал, и было очевидно, что у них осталось всего несколько секунд, чтобы задать вопрос.

— Кто такая Гермиона Поттер? Ремус прохрипел.

"Моя жена?" Он сказал. Он моргнул и сел. Гарри наморщил лоб. Что случилось-. О дерьмо. Глаза Гарри расширились. Этого не должно было случиться! Я не могу изменить время! Я должен Обливейтить их... Дерьмо. Я не знаю как. Из всех-. Он прервал свои мысли и повернулся к ним со стальным лицом.

"Веритисирум? Разве это не... о, я не знаю... незаконно?" Он попытался выглядеть сердитым, но в настоящее время его доминирующей эмоцией был страх. В голове гудело. Должен ли я сказать Дамблдору? Он мог это исправить. Или МакГонагалл. Она вряд ли попытается узнать будущее от меня «Ради Всеобщего Блага». Как бы я ни уважал его, Дамблдор иногда может быть довольно слепым...

Он погрузился в свои мысли. Он повернулся к ним. Он пытался вызвать гнев, но просто не мог. Его отец, крестный отец и одна из его самых уважаемых и любимых взрослых личностей только что узнали, что один из них умрет вместе с женой. Он повернулся к Питеру, который был с противоположной стороны от него, наконец, позволив себе изобразить все свои черты в убийственном взгляде. Крыса . Он смотрел на напуганную, хныкающую фигуру еще несколько секунд, позволяя всей своей ненависти сосредоточиться на человеке... нет. Вещь перед ним, затем развернулась и вышла из портретной дыры.

...o000o...

[illegible]

«Мне нужно место, чтобы спать и думать. Мне нужно место, чтобы спать и думать». По его третьей просьбе гобелен превратился в дверь, и он дернул ручку и вошел. Комната была именно тем, что нужно Гарри. Он был большим, но не пещеристым, что позволяло чувствовать себя комфортно. Он был разделен на четыре секции; спальня с полкой с художественной литературой и книгами о путешествиях во времени, ванная комната, гостиная, похожая на гостиную Гриффиндора, и небольшая кухня в маггловском стиле. На передней стене было большое окно. Гарри с удивлением заметил, что комната словно вызвала его сундук, поскольку он стоял рядом с его кроватью.

Как только он закрыл дверь, и она снова превратилась в гобелен, плечи Гарри поникли. Он вдруг почувствовал усталость. Как будто он только что пробежал сотню миль. Он дотащился до кресла перед тлеющим огнем и позволил себе расслабиться. Впервые он позволил своим мыслям отвлечься от всего, кроме того, что МакГонагалл и Гермиона проинструктировали его сделать.

Что, если я просто оставлю это и расскажу им о будущем? Насколько все будет иначе, когда я вернусь? Все по-прежнему будут мертвы? Будет ли больше людей мертво? Он вздохнул. Ничто никогда не давалось ему легко. Внезапно Изланти появился в своей комнате в столбе пламени.

Гарри! Она плакала, звуча огорченно. С тобой все в порядке? Я почувствовал твою боль!

— Все в порядке, Изланти, — сказал он, не утруждая себя размышлениями. Просто говорить. «Это была душевная боль». Она немного расслабилась, но все еще выглядела очень обеспокоенной. Она превратилась в озабоченного горного льва, которого Гарри принял за озабоченного. Это едва ли лучше, человеческое дитя. Психическая боль часто намного хуже и гораздо более длительна.

Это было очень верно, Гарри знал. Он знал достаточно людей, которые умерли, чтобы быть уверенным в этом. Я знаю. Он прижался к ней, и она обернулась вокруг него своим телом (которое уменьшилось в меньшую, но все еще дику на вид кошачью). Она была очень теплой, и то, что она лежала у него на коленях, чрезвычайно успокаивало его.

— Что мне делать, Изланти? — спросил он через несколько минут.

Все зависит от тебя, Гарри. Она ответила. Вы находитесь на распутье. Вы можете либо пойти по более проторенной дороге, либо по той, которую вы прокладываете сами, ничем не руководствуясь. Но если вы преуспеете в своем направлении, пункт назначения будет гораздо более благоприятным. Только помните, что по дороге нужно избегать колючих кустов. Если бы это сказал кто-то другой, Гарри расхохотался бы от огромного количества загадок и мистических предупреждений, содержащихся в нем. Но Человек-Который-Победил оставался серьезным.

Я мог спасти их. Он подумал. Все были бы живы! Но вопрос здесь не совсем в этом. Готов ли я отказаться от других людей и друзей, чтобы спасти их?

Лунтик, Червехвост, Бродяга и Зубец молча сидели в общей комнате, обдумывая в головах недавние события. У Сириуса теперь были сухие глаза, и он принял каменный, решительный вид. Джеймс безвольно сидел, откинув голову на спинку стула, бездумно глядя в потолок. Питер дрожал, все еще не оправившись от взгляда, которым Гарри наградил его. Ремус перечислял в голове вопрос за вопросом, который они должны были задать, пытаясь отвлечься от того факта, что один из его лучших друзей скоро умрет. Гарри вырос с Дурпи, или Дурслями, или кем-то еще, так что почти всю свою жизнь он провел без Джеймса и Лили.

Если бы это было правдой, Джеймс умер бы всего через несколько лет! Он задавался вопросом, почему Гарри не вырос с Сириусом или Питером. Ну, больше похоже на Сириуса. Питер забывал кормить его. Он невольно вздрогнул при этой мысли. Он знал, что не принял бы его к себе в его состоянии, но почему Сириус этого не сделал? Он был уверен, что его сделали его крестным отцом... должно быть, что-то случилось. Может быть, он... переехал. — сбивчиво подумал Ремус, пытаясь отвлечься от наиболее вероятной и самой досадной причины, по которой Гарри не вырос бы с Сириусом. Его смерть.

Наконец Джеймс заговорил. — Куда делся Х-Гарри? Он споткнулся об имя своего будущего сына. Сириус в оцепенении вытащил Карту Мародеров из кармана и окинул ее взглядом. Роджер Паркинсон и Дафна Вуд сидели в чулане на втором этаже, но кроме этого в школе, похоже, не было ни одного ученика, который вставал бы с постели. Сириус смотрел, как шаги МакГонагалл раскрыли их двоих. Она постояла там несколько секунд, по-видимому, крича, а затем повела двоих обратно в гостиные Слизерина и Рейвенкло. Все еще нет Гарри.

— Где он, Паддс? — снова спросил Джеймс, на этот раз более настойчиво.

«Его здесь нет». Ремус и Джеймс резко повернули головы в сторону симпатичного парня, изливающегося на карту. «Он, должно быть, в Комнате Требований. Он никак не мог покинуть территорию школы так быстро, даже если воспользовался секретным проходом».

Джеймс расслабился, но Ремус выглядел обеспокоенным.

— Как ты думаешь, когда он выйдет? — спросил оборотень. Джеймс выглядел равнодушным.

«По какой-то причине в номер не приносят еду», — сказал он. "Он должен будет выйти довольно скоро." Ремус не выглядел успокоенным.

— Однако это не значит, что он вернется в школу. Ты не хуже меня или даже лучше меня знаешь, что по замку довольно легко прокрасться ночью. коридоры, мы бы не знали». Джеймс не ответил. Очевидно, он не особо задумывался о возникшей проблеме — его больше занимало недавнее прозрение, связанное с его женитьбой на Лили Эванс, рождением сына — который теперь был его ровесником, и неминуемой смертью его и его жены. Похоже, Сириус думал о том же. Внезапно Сириус резко заговорил.

«Почему я его не вырастил?» Ремус вздохнул. Он надеялся, что Сириус этого не заметит.

— Не знаю, Бродяга. Я не могу представить, чтобы ты позволил ему жить с кем-то еще, если только с тобой что-нибудь... не случилось. Сириус выглядел опечаленным, но не удивленным. Очевидно, он пришел к тому же выводу, что и Ремус.

«Почему тогда его не вырастили Червехвост или Лунатик?» Сириус был довольно бесчувственным, говоря глухим, откровенным голосом, что не соответствовало его обычному поведению. Это, однако, не было его нормальным поведением, поэтому говорить было нельзя. Впервые Питер выглядел смущенным и бессознательно почесал верхнюю левую руку. Он ничего не ответил и выглядел немного виноватым и потрясенным. Ремус ответил.

«Ну, у меня есть маленькая пушистая проблема, и Питер... я не знаю о Питере. Может быть, он был... слишком... э... занят или что-то в этом роде». Этот ответ прозвучал неубедительно даже для ушей Ремуса. Хотя никто из них не хотел этого говорить, они не могли себе представить, что Питер усыновит ребенка, даже если это будет один из его лучших друзей. Он плохо ладил с детьми до легкого веселья и временами мог быть довольно злым. Ремус тут же отогнал эту мысль. Не годится думать против товарища-мародера.

— М-может быть, я на мм-миссии... или что-то в этом роде... — Питер заикался, выглядя совершенно взволнованным. Джеймс молчал последние несколько минут. Вдруг,

«Я не могу поверить, что Гарри — мой сын». Ремус не смог сдержать улыбку. В отличие от Питера, Джеймс был бы идеальным отцом, насколько он мог судить. Джеймс признался Ремусу наедине, что Дамблдор предложил ему место старосты, но тот отказался. Ему нравилась идея помогать младшим ученикам, но он уже был капитаном по квиддичу, да еще и мародер, так что ему не нужно было еще меньше времени для себя. Ремус почувствовал легкий прилив гордости за то, что Джеймс доверился только ему. Одной из немногих хороших вещей, которые пришли с его оборотнем (помимо выносливости, хорошего слуха и обоняния), была его способность хранить секреты. Сириус бы рассмеялся, а Питер забыл бы, что это секрет, и поднял бы его в повседневном разговоре.

«По крайней мере, я знаю, что Лили, наконец, поддастся очарованию Поттера», — пошутил он, хотя, казалось, улыбался про себя. «Гарри тоже казался довольно крутым. Он тоже хорошо выглядит. Он унаследовал все это от меня». Джеймс попытался внести юмор во все еще мрачную ситуацию, но только Сириус рассмеялся и прокомментировал:

— Ты оскорбляешь красоту Лили, Пронгс? Джеймс вздрогнул, выглядя в ужасе от самого себя.

— Что! Нет! Я был... то есть, ты же знаешь, я... — Он начал было возражать, но Питер оборвал его, наконец присоединившись к разговору, хотя и дрожащим голосом.

«П-Пронгс, мы все знаем, что ты не хотел этого. Твою одержимость Лили Эванс нельзя недооценивать». Сириус рассмеялся, и Питер выглядел довольным собой. Однако после этого все замолчали. Наконец, после добрых пятнадцати минут молчания, Ремус встал. Остальные начали.

«Ребята, я иду спать. Уже довольно поздно». Сириус и Питер кивнули и встали, чтобы присоединиться к нему. Джеймс, однако, остался на месте.

— Я еще немного побуду в гостиной. Я скоро встану. Остальные не винили его и ничего не сказали, пока поднимались по лестнице.

Джеймс никогда не поднимался в гостиную, всю ночь просиживая в кресле, обдумывая события дня.

...o0O0o...

На следующий день Гарри проигнорировал уроки. Он просто лежал на своей кровати, погружаясь в сон и мысли. Он наконец открыл еду, которую упаковала Гермиона, и еды хватило примерно на две недели, так что Гарри был уверен, что с ним все будет в порядке. На завтрак он съел теплые вафли, а на обед только что прикончил чечевичный суп.

Изланзи? Он позвал своего феникса, который сонно сидел на столбике своей кровати.

Да, Гарри? Спросила она.

Хочешь полетать со мной? Я чувствую клаустрофобию. Изланзи выглядела довольной и взволнованной этим предложением и царственно кивнула в ответ. Она подлетела к окну и стала ждать его. Он быстро закончил мыть посуду и повернулся к ней. Он улыбнулся и превратился в прекрасного феникса. Форма феникса Гарри была прекрасным зрелищем. У него были черные хвостовые перья и кончики крыльев с переливающимися белыми крыльями, а также гриффиндорское красное тело и голова. Сама его голова была украшена несколькими черными перьями, оттеняющими изумрудно-зеленые глаза. Между его глазами была белая полоса, похожая на его шрам.

Он подлетел к Изланзи, и вместе они вылетели в открытое окно. Гарри закрыл глаза, чувствуя, как ветер треплет и гладит его перья. Ему почти не нужно было взмахивать крыльями, предпочитая парить на ветру. Он расправил крылья и нырнул. Он летал так же быстро, как пуля, так же быстро, как его Молния на полной скорости. Земля в рекордно короткие сроки устремила к нему, а он бесшумно расправил крылья — выравниваясь — и позволил когтям зашуршать травой. Он несколько раз взмахнул крыльями, отправляясь обратно к Изланци, который летел «нормально». (Примерно 70 миль в час.) Казалось, ее забавляет его игривость.

Давайте направимся в Запретный лес, хорошо? Он посоветовал. Изланци кивнула своей длинной царственной шеей, и они одновременно вильнули, пролетев около десяти футов над верхушками темных деревьев. Под ними Гарри своим усиленным зрением видел вспышки жизни. Большие бегающие пауки, лиса, наблюдающая за двумя крысами, снующими в кустах, что-то, что Гарри принял за единорога... список можно продолжать и продолжать. Они летели минут двадцать в тишине, замок давно исчез за их спинами. Они увидели железнодорожные пути Хогвартс-экспресса и несколько маггловских коттеджей, соединенных слегка заросшей грунтовой дорогой. Наконец, когда они приблизились к первой деревне, Изланзи заговорил.

Мы должны вернуться, Гарри. Мы не можем позволить, чтобы нас видели немагические люди. Гарри понял ее точку зрения, но не мог не вздохнуть при мысли о возвращении. Затем он просветлел.

Могу ли я вернуться в другой форме? Она улыбнулась, как будто одобряя, и кивнула. Они пролетели еще немного, мимо или две мимо самого последнего маггловского дома, затем спикировали низко к земле и приземлились. Гарри вернулся в эту обычную человеческую форму (он не мог напрямую переходить из формы в форму — это ему еще предстояло освоить), а затем сразу же превратился в большого снежного барса. Как и в форме феникса, у него были зеленые глаза, хотя в этой форме они были окружены серо-белыми кольцами. Он был в основном не совсем белым и был покрыт черными отметинами, самой необычной из которых была линия чуть выше и между его глазами. Опять его шрам. Казалось, ему никогда не удавалось избежать этого.

Он присел, взглянув на Изланци, который был в форме черного как смоль ягуара, и прыгнул вперед. Его движения были плавными, мышцы бесконечно пульсировали под шерстью. Он ехал не на полной скорости, со скоростью около 45 миль в час. У него были огромные лапы с лунно-белыми когтями, блестящими на них, хотя сейчас они были втянуты. Его уши были повернуты назад, чтобы улучшить аэродинамику, а рот был открыт в легком рычании, сморщив нос и обнажив клыки длиной в два с половиной дюйма по обеим сторонам рта.

Изланци бегал по-другому, более... грациозно, так сказать. Ее плечи, казалось, даже не двигались вверх и вниз, и если бы вы не могли видеть ее трясущиеся ноги, можно было бы подумать, что она скользит. Ее глаза были золотыми, того же цвета, что и обычно, и они были полны решимости (они бежали) и веселья. Они были шея в шею, каждый разогнался примерно до 60 миль в час, почти на максимальной скорости. Поскольку ни одно из них не было настоящим животным, они отличались от обычных больших кошек. Ни один из них не мог так долго бегать так быстро, особенно ягуары, которые проводили большую часть своего времени, выслеживая или лазая по деревьям.

Они бежали, почти не уставая, еще около 45 минут, пока почти не достигли территории замка. Они были в Запретном лесу и смотрели, как деревья проплывают мимо. Их рефлексy были невероятно быстры, и они без проблем пробирались сквозь густой лес. В какой-то момент Гарри даже сбросил паука, который, как он думал, мог быть Арагогом. Он усмехнулся при воспоминании о сильно раздраженных пауках. Это для тебя, Рон, подумал он про себя. Наконец-то он смог увидеть территорию Хогвартса. Похоже, это был перерыв в занятиях или учебный период для пятого и седьмого курсов (учащиеся OWL и NEWT), потому что около сорока студентов находились снаружи, бездельничая в не по сезону теплой погоде.

Гарри нахмурился. Это может быть проблемой. Как я собираюсь вернуться? Хотя он думал в основном про себя, он позволил Изланци ответить, и она ответила быстро.

Может сработать чары разочарования или плащ-невидимка, если он у вас есть. Однако вы этого не сделаете, поэтому я предлагаю очарование. Он кивнул в знак согласия и вернулся в свою человеческую форму, немного спотыкаясь при этом. Он достал палочку из кармана и постучал себя, молча накладывая чары. Изланци превратился в светло-коричневого мотылька и последовал за ним, когда он вышел из леса и вернулся в Комнату требований.

Они шли быстро, на случай, если один из Мародеров смотрел на карту, чтобы увидеть, вышел ли он из комнаты. Он догадался (правильно), что они знали о комнате, и предположил бы, что он туда ходил. Было бы неправильно, если бы они противостояли ему, невидимые или нет. Он на мгновение задумался, появится ли Изланзи на карте, затем отбросил эту мысль, решив позже проверить свою версию.

Минут через пять он подошел к гобелену с изображением Варнавы Дрожащего. Он проверил, чтобы убедиться, что там никого нет, обдумал свою просьбу и вернулся в свое нынешнее жилое пространство. Он закрыл дверь и уже собирался снять заклинание Разрушения иллюзий, когда ему показалось, что он услышал слабый звук. Он нахмурился, затем пожал плечами и отмахнулся. Хогвартс не всегда славился тишиной.

За пределами комнаты требований

«АРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРХ!» Джеймс и Сириус закричали вместе, врезавшись в теперь сплошную стену, пытаясь войти в только что исчезнувшую дверь.

Гарри подошел к своей кровати и сел, наклонившись и открыв чемодан. Он сентиментально вытащил два своих фотоальбома. Он очень скучал по Гермione и Рону. Во-первых, он открыл сообщение о себе и своих друзьях — ему не очень-то хотелось сейчас напоминать о родителях. На обложке была фотография Гарри, Рона и Гермione на шестом курсе, руки за плечи. Гермione была посередине и счастливо улыбалась, хотя и не хрипло. Гарри был справа от нее, широко улыбаясь. Он выглядел самым счастливым на шестом курсе — так скоро после смерти Сириуса. Рон был слева, широко ухмыляясь и смеясь. Гарри улыбнулся, немного грустно. Чего бы он только не сделал, чтобы они были здесь с ним...

Он перелистнул на следующую страницу. Альбом начался в первый год, хотя в тот год было не так много фотографий. (Из-за того, что Коллин Криви еще не приехал в Хогвартс.) Всего было шесть фотографий, одна сделана из Хогвартс-экспресса (Молли) Уизли. Гермиона была на заднем дворе, обнимая своих родителей, и вы могли видеть, как Гарри смотрит в тонированное стекло вагона поезда. Это было одним из его любимых. Оттуда он ушел довольно быстро, просматривая фотографии игр по квиддичу, Большого зала, гостиной Гриффиндора, Хогсмида, Норы и многих других мест. Гарри сделал паузу, представив Фреда и Джорджа, озорно ухмыляющихся рядом с несколькими разгоряченными розововолосыми слизеринцами. Последняя фотография была совсем недавно сделана Гарри и Гермионой, когда они были на свидании в Косом переулке.

Чувствуя тоску по дому — или, можно сказать, тоску по времени — он снова лег на кровать и уставился в потолок, решив не смотреть на фотографии своих родителей. В любом случае, у него были их настоящие версии в этом самом здании. Гарри иронически улыбнулся. Наконец, он отложил это достаточно надолго. Он положил кусок пергамента и перо на свою кровать и сел у стены. Он вздохнул и окунул орлиное перо в пузырек с черными чернилами, висевший рядом с его коленом.

— Хммм... — сказал он вслух, пугая себя звуком. На бумаге он написал два столбца рядом:

Причины рассказать родителям о будущем

-Предотвратить их смерть и смерть Сириуса

-Я могу разыграть Снейпа!

-Я не знаю, как Обливейт

-Волдеморт не будет "мертв" в течение одиннадцати лет... в теории

- Убить Заплесневелого быстрее, тем самым спасая много жизней

- Я отправлю Питера в Азкабан.

-Хочу, несмотря на риски

-Если это сработает, Гермиона не будет такой

разозлился на меня

Причины не рассказывать родителям о будущем

- Я могу случайно заставить себя не родиться... НЕ ХОРОШО

-Может быть, я им не нравлюсь

-Тогда все еще мертвы

- Я могу просто попросить учителя обливировать их или узнать, как это сделать.

- Все в мое время будут сильно злиться на меня... особенно Гермиона и Минни.

-Я не могу избегать их целый год

- Это может закончиться смертью других людей.

Он задумчиво пожевал кончик пера, не в силах придумать, что еще написать. Он посмотрел вниз. Победителем стал «Причины рассказать родителям о будущем» по двум причинам. Он вздохнул, смирившись со своим выбором. Теперь, когда он принял решение, задача рассказать им казалась гораздо более сложной. Действительно ли есть хороший способ сказать некоторым из людей, о которых вы заботитесь больше всего, как они умирают, и какое ужасное будущее у них впереди?

Я очень сомневаюсь в этом, Гарри. — добавил Изланти. Гарри слегка вздрогнул. Он не осознавал, что проецирует свои мысли.

Думаешь, я принимаю правильное решение, Изланти? Она понимающе улыbnулась и превратилась в большую черную собаку, похожую на форму анимага Сириуса, но менее мрачную. Она подошла к Гарри, каким-то образом ухитрившись выглядеть царственно даже с высунутым между зубами длинным розовым языком. Гарри почесал ей уши.

Я не знаю, Гарри. Это не мое дело принимать это решение за вас. Как только вы это сделаете, пути назад уже не будет. Гарри сделал паузу, выглядя серьезным.

Я знаю. Я просто не могу заставить себя не сказать им. Я бы смог это сделать, если бы они не знали, но стирать их воспоминания сейчас было бы... не знаю... преступлением. Взяв их будущее взмахом палочки. Когда собака не ответила, Гарри вытащил карту Мародёра, чтобы проверить Лунатика, Червехвоста, Бродягу, Зубца и Лили.

«Торжественно клянусь, что замышляю недоброе». Гарри на мгновение задумался, как Фред и Джордж узнали пароль, но тут же отогнал эту мысль. Есть гораздо более важные вещи, о которых нужно подумать прямо сейчас. Он просмотрел карту. Сириус и Джеймс довольно медленно (даже на карте выглядели удрученными) шли прочь от Комнаты Требований. Ремус выходил из гостиной Гриффиндора с Саванной Донован, которую Гарри смутно помнил как рыжеволосую пятикурсницу. Питер был на кухне, окруженный такими именами, как «Риби», «Динки» и «Уорди». Гарри с отвращением фыркнул при мысли о крысе. Ему придется рассказать Джеймсу, Сириусу, Ремусу и, возможно, Лили без него.

Итак, он сунул палочку и карту в карман мантии, закрыл чемодан и направился к двери. Он стоял прямо внутри него, с закрытыми глазами в тревожных раздумьях. Наконец, после минутной мысленной подготовки, он потянулся к ручке и дернул ее, открывая коридор снаружи. Он вышел и побежал в том же направлении, что и Сириус с Джеймсом. Он шел легко, не производя шума. Даже если он был уверен, что расскажет им, он хотел сначала увидеть их, а не наоборот.

Он быстро догнал их, затем остановился, наблюдая, как они делают несколько шагов, прежде чем сказал:

"Привет." Они кружились так быстро, что Гарри чуть не рассмеялся. Почти. На секунду показалось, что Сириус собирается прыгнуть на него и удержать, чтобы Гарри не убежал. Но он остановился, напрягая мышцы — очевидно, понимая, что Гарри собирается остаться. В

конце концов, он был тем, кто искал их. Они смотрели, не зная, что сказать, так что инициативу взял на себя Гарри.

"Нам нужно поговорить."

<http://tl.rulate.ru/book/83332/2664707>